

СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕМЕН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.819

EDN: GUQVLB

Запрос на перемены: попытка политико-психологической интерпретации

Ссылка для цитирования: Шестопа́л Е. Б. Запрос на перемены: попытка политико-психологической интерпретации // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2S. С. 103–114. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.819; EDN: GUQVLB

For citation: Shestopal E. B. Request for Change: An Attempt at a Political-Psychological Interpretation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2S. P. 103–114. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.819; EDN: GUQVLB

Шестопа́л Елена Борисовна¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

shestop0505@rambler.ru

AuthorID РИНЦ: 104409

Аннотация. В данной статье представлены размышления о запросе на перемены и непрерывающихся научных дискуссиях о самом его существовании в современном российском обществе. Автор поднимает ряд значимых для понимания перемен тем и рассматривает их с позиций политического психолога. В частности, отмечается необходимость «расшифровывать» желание перемен, показывается неоднозначность установки на стабильность, сложность определения ситуации в обществе как кризисной или спокойной, анализируются особенности расколов в российском обществе. Ключевым в исследовании запроса на перемены является вопрос о саморегуляции социальной и политической системы в условиях, когда потребности в переменах и потребности в стабильности в обществе уравновешивают друг друга.

В настоящий момент, когда ситуация чрезвычайно неопределённая, и появляются всё время новые вызовы и угрозы, трудно рассчитывать на автоматическую адаптацию к переменам. Пока нет ответа на вопрос: какое общество мы хотели бы иметь: то, в котором доминирует запрос на перемены, или то, в котором граждане стремятся сохранить стабильность. Это тот самый образ будущего, который сначала необходимо построить, а потом искать релевантные ему механизмы управления. Если эта желаемая модель не задана, а просто замеряются установки на перемены или стабильность, то невозможно корректно проинтерпретировать результаты опросов.

Ключевые слова: запрос на перемены, стабильность, консервативная идеология, либеральная идеология

Дискуссии отечественных политологов, социологов, экономистов о том, существует ли в российском обществе запрос на перемены, идёт достаточно давно [10; 2; 8; 3; 5], и позиции в ней существенно разнятся в зависимости от того, какой смысл вкладывается в понимание смысла этих перемен (перемены это социальные, экономические или политические), в каком направлении запрос трансформируется (растёт ли он или снижается) и, в-третьих, в зависимости от того, на каких социальных и демографических группах фокусируют внимание исследователи. На самом деле, вопросов, вокруг которых ведётся дискуссия, значительно больше. Хотелось бы остановиться на политико-психологическом аспекте этой темы, который в дискуссиях затрагивается значительно реже, чем вопросы о запросе на перемены у разных слоев населения или вопросы об экономическом или социальном смысле самих этих перемен.

Затронем несколько тем, важных с точки зрения политического психолога, об отношении общества к переменам.

Так, *во-первых*, мы полагаем, что, измеряя в опросах установки респондентов на перемены, нельзя ограничиться лишь фиксацией самого желания перемен в данный момент времени. Необходимо не просто констатировать, что в 2019 г. этот запрос был выше, чем за два года до этого, как это, например, сообщают социологи из Левада-центра¹ [1, с. 3]. Нам представляется, что ответ респондентов о желании перемен, необходимо «расшифровать». Потому что одна и та же установка у разных групп населения будет наполнена разным смыслом. Для среднего класса и пенсионеров, молодых людей и пожилых, мужчин и женщин, жителей разных регионов и профессий это будут разные и зачастую противоположные смыслы.

Одну из наиболее важных разделительных линий, по которым этот запрос будет различаться, создают политические ценности и идеологические позиции опрашиваемых. И здесь «эксперты» нередко попадают в ловушку, принимая желаемое за действительное, будучи сами приверженцами определённых политических взглядов. К примеру, те же исследователи из Левада-центра, из того факта, что 13% опрошенных заявили о желании политических перемен, делают вывод, что «внутри общества продолжает нарастать недовольство положением дел в стране. И эти настроения все чаще будут прорываться наружу, в том числе в виде различных протестных акций» [1, с. 4]. Но такой вывод вряд ли можно назвать корректным. Ведь подавляющее большинство респондентов (87%) под переменами имеет в виду не смену власти, а рост экономики, снижение тарифов ЖКХ и т. п.

Во-вторых, установку на перемены обычно рассматривают в паре с противоположной установкой – установкой на стабильность. Казалось бы, если растёт запрос на стабильность, то должна снижаться потребность в переменах и наоборот. Но на деле всё выглядит не так одно-

¹ Левада-Центр внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов

значно. Одним слоям общества может не хватать стабильности, а другие, в то же самое время, мечтают о переменах. Поэтому просто рост числа респондентов, заявляющих о желании перемен, вряд ли стоит рассматривать как индикатор зреющего протеста, так как одновременно может расти и число тех, кто жаждет стабильности.

В-третьих, со стабильностью тоже не всё так просто. Эта ценность является доминантой консервативной идеологии. При этом понимание стабильности идеологами, в частности идеологами консерватизма, с одной стороны, и обществом, – с другой, тоже, нередко, наполнены несовпадающими смыслами. Кроме того, в обществе этот запрос существенно разнится в разные исторические промежутки даже в один и тот же, например, постсоветский период. Такой запрос действительно был очень острым в 1990–2000-е гг. Но и тогда он означал не сохранение, консервацию того, что было достигнуто раньше, а скорее возвращение к некоей «нормальности» советского периода. То есть, консервативные настроения тех лет имели не столько политическое наполнение, сколько были связаны с усталостью от политического и экономического кризиса, утратой прежней советской идентичности. Но уже в 2000–2010-е гг., не говоря уже о начале 2020-х гг., политическая и экономическая стабильность была в целом достигнута, а кризис национально-государственной идентичности после 2014 года резко пошёл на спад. Поэтому желание перемен стало расти, но при этом оно выступало в роли естественной, психологической защиты от застоя, но граждане вовсе не готовы отказаться от достигнутой стабильности и не противопоставляют ей перемены.

Примечательно, что сам факт роста этого общественного запроса на перемены использует не только оппозиция, но и власть. Не случайно Президент говорил об этом в Послании Федеральному собранию в январе 2021 г. [6].

В-четвёртых, если и говорить о нынешнем запросе на перемены, то вряд ли его можно сравнить с желанием перемен конца советского периода, о котором пел тогда Виктор Цой. Ни по уровню психологической напряжённости этой потребности в переменах, ни по своему политическому смыслу сегодняшней запрос не сопоставим с позднесоветским, который привёл тогда к реальной политической катастрофе. Такого запроса на изменения сегодня явно не наблюдается.

То же касается и запроса на стабильность. Её смысл ни в 1990–2000-е гг., ни сейчас не означает консервации достигнутого. Те исследования, которые мы проводим с 1993 г., показывают, что в политическом смысле даже в бурные 1990-е гг. запрос на стабильность не был запросом на возврат к советскому времени [8]. Более того, в 1990–2000-е гг. всё советское казалось ушедшим навсегда, немодным, устаревшим, ненужным, и возврата к нему, его консервации никто не хотел. Сейчас в определённом смысле происходит ренессанс советских ценностей. Причём не столько у старших возрастных групп, сколько у молодых, которые при советском строе не жили. И смысл его состоит в том, что возврат к этим ценностям воспринимается скорее

через призму ценности справедливости, а не ценности стабильности как таковой. Последняя большинством населения понимается как состояние общества, в котором работают законы, а экономика позволяет большей части населения не скатываться в бедность. А чтобы осуществить эту справедливость, нужно, по мнению людей, менять ту олигархическую систему, которая сложилась в 1990–2000-е гг. Начиная с 2014 г. стал очевиден не столько рост запроса на изменения как таковые, сколько необходимость возврата к самим себе, к своей национальной сущности, самостоятельности и суверенности. Этот смысл перемен стал осознаваться обществом именно в политическом, даже внешнеполитическом смысле. Это возврат к своей национальной идентичности, к той цивилизации, которая, независимо от того, была ли это царская Россия, Советский Союз или современная Российская Федерация, но это были мы. Это был запрос на суверенитет, на то, чтобы вернуться к самим себе. Перестать быть имитаторами западной, восточной или какой-то ещё, скажем, африканской модели, а вернуться к тому, кто мы есть на самом деле. Это та национальная идентичность, которую мы потеряли вместе с советским государством и которую до сих пор полностью не обрели.

Стабильность это или нет? Запрос ли это на стабильность? Можно предположить, что всё-таки здесь есть какие-то другие измерения. То есть, дихотомия стабильности и перемен это не единственная шкала, которая нам даёт ответ на вопрос о том, что творится в массовом сознании. Если же взять именно эту шкалу, то складывается такое впечатление, что за если 20 лет назад запрос на политическую стабильность, устойчивость системы, был ярко выражен, то постепенно люди стали больше хотеть каких-то новаций. Когда Д. Медведев в 2008 г. пришёл с идеей модернизации, то эта идея в обществе не получила поддержки. Просто в тот момент мы слишком хорошо помнили модернизаторов начала 1990-х гг., которые пришли, всё сломали и разворовали. Момент для этого был неподходящим. В последнее десятилетие наше общество разделено примерно поровну на тех, кто за перемены, и тех, кто за стабильность.

И тогда встаёт вопрос о том, кто такие консерваторы (сторонники стабильности, *горьковские «ужи»*) и кто такие любители перемен (*горьковские «буревестники»*)? Мне кажется, что наше общество, говоря о стабильности, имеет в виду неизменность правил, а не консервацию всего того, что было в 2000-е гг. Запрос на стабильность продолжает существовать, но уже не как реакция на хаос 1990-х гг., а как потребность в устойчивости социальной, экономической и политической системы, к которой люди могут приспособиться, чтобы правила игры не менялись каждые год-два. Если говорить о стабильности в этом смысле, то в опросах общественного мнения мы получим число сторонников стабильности не в 50%, а все 75%.

Если говорить о пассионарных сторонниках радикальных перемен в психологическом понимании этих слов, то, конечно, в любом обществе их немного. Известно, что во всех странах примерно одно и то

же число составляют те, кто готов к экономическому риску, принимают на себя ответственность и становятся предпринимателями (их не более 5% населения), тогда как остальные работают не на себя, а по найму. Причём, это соотношение не зависит от политических, экономических, религиозных традиций, культуры страны. Точно также людей, которые не могут жить без перемен, в сообществе, согласно моим наблюдениям, не более 5%. Я помню, что много лет назад я делала личностный тест со слушателями из одной зарубежной левой партии. Оказалось, что в группе из 25 человек пятеро принадлежало к одному и тому же психотипу. Причём в описании этого типа было указание на то, что эти люди склонны к риску, им жизненно необходимы перемены, разнообразие и переживание острых эмоций. Их часто можно встретить среди спасателей, пожарных и других подобных профессий. Так вот эти пятеро оказались по профессии пожарными. Это своего рода пассионарии, «буревестники». Для них характерен психологический радикализм. Эти люди себя проявляют в период кризисов, революций, войн, катастроф. А вот в мирной жизни они не всегда могут найти себе применение и либо выпадают из социума (вспомним героя повести Л. Леонова «Вор» или героини гражданской войны, не нашедшей себя в мирное время, описанной А. Толстым в «Гадюке»).

Психологический радикализм, как и психологический консерватизм – это определённый психотип, и он автоматически не связывает его носителя с той или иной политической идеологией, но среди представителей радикальных политических сил этот психотип встречается, конечно, чаще. Получается, что типичный радикал это человек, для которого менять место работы, переходить из одной партии в другую, менять место жительства, жену или мужа, — это требование их природы. А для консерваторов, наоборот, это психологически мучительно. Им перемены противопоказаны. Но и те, и другие составляют в популяции небольшую долю. Остальные, их называют то политическим «болотом», то «молчаливым большинством», – это люди, которым резкие перемены не нравятся. Они, конечно, могут в острых ситуациях качнуться в сторону перемен, но для этого должна переполниться их чаша терпения.

Таким образом получается, что в социуме кроме психологически консервативного и психологически радикального меньшинств есть то самое молчаливое большинство, которое может примкнуть к тому или другому полюсу под влиянием ситуации. Поэтому от динамики психологического состояния общества в целом, динамики массовых настроений и будет зависеть прогноз ситуации.

Поэтому **пятый вопрос** касается понимания того, какая в нашем обществе сейчас ситуация: кризисная или спокойная? Именно этот фон, а не просто запрос на перемены и будет определять политическое развитие. Вряд ли общую ситуацию можно оценивать как нормальную, спокойную, стабильную. С одной стороны, начало этого десятилетия не столь сумбурно и хаотично, как начало 1990-х гг. С другой – наблюдается явное нарастание угроз и вызовов и в связи с пандемией, и в связи

с экономическими трудностями, вызванными пандемией, и из-за внешних угроз. Есть подспудное ощущение, что времена уже до событий 2022 г. воспринимались как опасные, сложные. Но при этом политической мобилизации населения не наблюдалось. Наше общество за два года пандемии впало в состояние глубокой депрессии и продолжает, так сказать, спать на боку по примеру былинного богатыря, а проснуться уже бы надо. Ситуация требует мобилизации. Есть ощущение, что начинать просыпаться надо было, как минимум, года 3–4 назад. Уже после президентских выборов 2018 г. стали проявляться признаки того, что общество не готово к тем вызовам, которые стоят не только перед нашей страной, но перед миром в целом. Пандемия тоже выявила ряд процессов, которые касаются не только системы здравоохранения, но и состояния общества, в частности – очень низкий уровень доверия власти, о чём свидетельствовало нежелание определённой части населения следовать призыву властей прививаться. Мы видим, что происходило в США, Европе. Там тоже есть антиваксеры, и они бурно протестуют. Там люди более активны, чем у нас. Конечно, любые бунтари рискуют обрушить стабильность системы, но в то же время эта активность говорит об определённой способности противостоять угрозам.

Представляется, что пассивность, абсентеизм, депрессивное состояние представляют собой не меньшую опасность, чем протесты [9]. И то, что мы видим на протяжении последних двух десятилетий, говорит не столько об отсутствии запроса на серьёзные перемены, сколько о слабой мобилизованности общества перед лицом растущих угроз. Наше общество оказалось слабо готовым противостоять неожиданной угрозе, будь то эпидемия или военная угроза. А в условиях новых технологий и угрозы могут появляться с высокой скоростью. К ним надо быть готовым не только с военной, научной или экономической точки зрения, но и с точки зрения психологической. Если послушать наших пропагандистов, регулярно обсуждающих различные сценарии военных конфликтов, в которые может быть втянута Россия, то можно было сделать вывод, что умом их возможность они допускали. Но на практике никакой мобилизации общества, его подготовки к разным неожиданным угрозам не происходило, да и сейчас происходит достаточно медленно. И власть, и общество продолжают жить как раньше, как будто ничего тревожного не происходит. То есть на когнитивном уровне угрозу понимают, а на поведенческом – никакой реальной подготовки к различным угрозам мобилизации нет. Во-первых, люди, видимо, привыкли, что за них все решения примет власть. Это патримониальная культура: власть за всё отвечает, ей надо, пусть она и делает. Во-вторых, у людей сейчас просто нет психологических ресурсов на то, чтобы быстро собраться и найти в себе силы предпринять решительные действия. А ведь в ситуации кризиса фактор времени – решающий. На самом деле, надо сказать спасибо американцам за их санкции, которые они ввели после событий 2014 г. Благодаря им, наше население сильно повернулось в сторону большего здравомыслия. Многие иллюзии в отношении Запада стали уходить. Но процесс этот не прямой и не быстрый. Мы делали в нём

шаг вперед, два шага назад. То есть окончательной утраты иллюзий по-прежнему нет. А не произошло его потому, что о национализации элит много говорили после 2014 г., но так ничего и не сделали. И определённая часть нашей элиты всё ещё надеется, что сможет вернуть любовь Запада и договориться с ним. В этом отношении большинство рядовых граждан оказались более реалистичными, но и они ждут, когда лидеры им укажут путь.

Шестой момент как раз касается раскола общества не только в отношении запроса на перемены, но и по иным основаниям, например, по линии элита – общество. Вопрос заключается в том, что у нас есть некая космополитическая часть элиты, которая смотрит на «эту страну» просто как на источник заработка. Живёт эта элита со своими жёнами, детьми, любовницами где-то там, а зарабатывает тут. Время от времени публикуют данные опросов о желании наших граждан уехать в эмиграцию и данные о вывозе капитала за рубеж. Из этих цифр видно, что стремление уехать всё же скорее характерно для тех, кто имеет какие-то финансовые возможности. Есть, наверное, и те, кого принято называть национально ориентированной элитой. Но большая часть элиты, так сказать, экстерриториальна и ориентирована не на национальные интересы своей страны, а видит себя частью элиты глобальной. Это тоже не ново. Специалисты по Латинской Америке ещё в 1960-е гг. отмечали, что в этих странах правящий класс тоже делился на тех, кто ориентировался на национальный капитал, тогда как другая часть смотрела в сторону капитала международного. И борьба между этими элитами раскалывала и общество. То же происходит и в России: есть часть людей, которые ориентированы космополитически. Другая часть общества и элит ориентирована на свою страну. Сейчас соотношение между этими группами сложилось в пользу последних, о чём говорят опросы общественного мнения. Так, например, данные ВЦИОМа свидетельствуют о том, что на 22.05.2022 г. 81% поддерживают Путина [11]. Выросли и оценки других политиков и власти. Некоторые авторы называют это эффектом сплочения вокруг флага

Ещё один раскол связан с возрастными когортами. Мы несколько лет проводили исследование восприятия своей страны [7]. Мы предполагали, что для молодых людей, активно включённых в социальные сети, будет характерно восприятие своей страны сквозь призму заимствованных извне образов. Но эта гипотеза подтвердилась лишь частично. В отличие от людей среднего возраста, у которых часто встречался «комплекс национальной неполноценности», у этой возрастной когорты нет и намёка на те комплексы, которые были характерны для тех, чья политическая социализация проходила в конце 1980-х – в 1990-е гг. Наши молодые респонденты считают, что они лучше всех. У них нет и формулы нашей интеллигенции среднего поколения, которые полагали, что «они» (другие страны) – хорошие, а «мы» – плохие. У нас большая часть молодёжи считает, что «мы» (то есть они сами) – хорошие. У них нет комплекса вины, они считают, что они лучше всех, а где жить – в Берлине или на Ямайке, им не принципиально. То есть, они

считают, что у них всё будет хорошо и их образ будущего, независимо от того, где они будут жить: здесь или там, не содержит ни чувства вины, ни ощущения своей неполноценности. Поэтому говорить об их запросе на перемены, в отличие от поколения 1990-х гг., довольно сложно. Они, конечно, хотят, чтобы была какая-то «движуха», чтобы что-то менялось, чтобы всё было модным, современным, но это не столько политические, сколько потребительские запросы.

Седьмой момент связан со скоростью самих перемен и её восприятием. Запрос на перемены появляется тогда, когда этих перемен мало или нет совсем. Но ведь на протяжении последних двух десятилетий у нас происходили колоссальные изменения в экономике, в армии, в новых технологиях, да и в образе жизни. Вообще было очень много перемен. За 20 лет Россия стала совершенно другой страной. Те, кто давно не был здесь, просто не узнают Москву. Когда и как это случилось? Это случилось за последние 20 лет. Мы просто не можем оценить пока объём тех перемен, которые за эти годы произошли. Они происходили достаточно постепенно. Мы не успели осознать, как наша армия сумела пройти путь от нищеты и дедовщины до одной из самых передовых армий мира. Эти перемены были не скачкообразными, а постепенными. Мы всё время ругаем нашу власть за то, что она никак не может сформулировать национальную идею, а она за это время разработала стратегию, которая дала вот такие результаты. Нередко запрос на перемены ассоциируется с той группой людей, которые оппозиционны к нынешней власти. Им не нравится то, что есть сейчас, они хотят чего-то другого, главное, чтобы оно было не таким, что есть сейчас. Что другое, какое другое? Образ этого будущего, отличного от того, что мы имеем сейчас, у всего нашего общества не очень ясен, но у оппозиционно настроенной его части он основан просто на отрицании нынешней модели.

Восьмой момент связан с ещё один расколом: социальным и экономическим. И тут, как раз, запрос на перемены весьма существенный. Он по-своему ощущается средним классом, который больше всего жаждал перемен тридцать лет назад. У этого слоя образованных и не самых бедных людей тогда были ожидания, которые не осуществились. В том, что их мечты не сбылись, они винят нынешнюю власть. Но ведь именно осуществление их мечты (отказ от социальной справедливости в угоду рынку), сейчас ударило по ним самим. Они ратовали за перемены, но так случилось, что эти перемены коснулись именно их. А реклама продолжает увлекать общество всё новыми соблазнами. Мы уже забыли о том, как мы все, независимо от статуса сэкономили в советские времена.

Другой запрос на перемены – у людей более бедных. Демонстративное потребление сильных мира сего вызывают у них желание изменить существующее неравенство и несправедливость. Реклама на телевидении, в Интернете, на билбордах создаёт растущие ожидания, которые не имеют шансов на исполнение. Это создаёт новые расколы в обществе и усиливает социальное напряжение, которое уже не раз в истории приводило к так называемым революциям ожиданий. Потребительские экспектации, сталкиваясь с реальностью, порождают

запрос на перемены. Это реакция на увеличение, прежде всего, дистанции между социальными группами в образе жизни. Люди же видят, как живут чиновники, богачи, и этот разрыв не сокращается, это кажется несправедливым большинству малообеспеченных граждан, и если говорить о содержании запроса на перемены, то, очевидно, это запрос на сближение разных социальных слоев, если не по уровню потребления, но, по крайней мере, по демонстративному поведению. Ведь в странах, где капиталистический тип экономических отношений существует давно, не принято демонстрировать свое богатство. Там это считается просто дурным тоном. И если в мегаполисах эта проблема не так считается гражданами, то жители в деревнях или в маленьких городах, где все знают друг друга, видят эту социальную пропасть гораздо нагляднее. С того момента, когда в нашей стране поменялась политическая и экономическая модель, общество не успело адаптироваться и сформировать новые моральные шаблоны, которые более или менее одинаково понимались бы и низами, и верхами. Но и это не главное. Когда простолюдин Минин и князь Пожарский объединились, чтобы защищать страну, они просто делали общее дело. В моменты кризиса, в моменты, опасности, статусные отличия людей перестают быть столь значимыми, и консолидация идёт по каким-то другим основаниям. И это одна из главных причин того, что запрос на перемены становится в первую очередь запросом на изменение морального климата в обществе, на общие ценности, которые люди усваивают через культуру и образование, никаких других инструментов никто не придумал в мире. Поэтому если пытаться эти перемены осуществить, то делать это надо, прежде всего, через эти два канала.

И последний, девятый момент. Он касается того, как кризисы последнего времени повлияли на запрос на перемены. С одной стороны, пандемия, как и любой кризис, породила неустойчивость общества, тревогу, беспокойство, а значит усиливала запрос на стабильность. Наше здравоохранение, которое многократно за последние годы подвергалось реформированию, а, по сути, разрушению, на удивление сумело выстоять и справиться с кризисом, очевидно, за счёт тех традиций, которые чудом уцелели. Хотя на деле ситуация выглядит куда более противоречиво. В ней, с одной стороны, были примеры самоотверженной и профессиональной работы одних врачей и беспомощности, плохой организации – других. С другой стороны, когда люди сталкиваются с пренебрежением и непрофессионализмом, с отсутствием гуманизма, то это, конечно, ведёт к росту запроса на перемены. Однако, похоже системы-то как раз и нет. Точнее, работает не система, а человеческий фактор. А человеческий фактор трудно измерить.

Подводя итог, следует поставить вопрос: способна ли социальная и политическая система к саморегуляции, когда потребности в переменах и потребности в стабильности уравнивают друг друга? И хотя мы обсуждали запрос на перемены у общества, но надо понимать, что снизу перемены не начинаются, а если эти перемены идут снизу, то нередко приводят к весьма разрушительным последствиям.

Эффективная и безболезненная трансформация общества в виде реформ идёт через целеполагание, которое задают элиты, помогающие гражданам адаптироваться к новым вызовам. Тогда перемены происходят без излишнего радикализма. В настоящий момент, когда ситуация чрезвычайно неопределённая, и появляются всё время новые вызовы и угрозы, рассчитывать на автоматическую адаптацию к переменам не представляется возможным. К этому стоит добавить ещё один компонент прогностической модели. Это низкий уровень стратегической культуры и рефлексии у элиты. Её миссией является разработка стратегии, в которую входит желаемый образ будущего. Пока нет ответа на вопрос: какое общество мы хотели бы иметь: то, в котором доминирует запрос на перемены, или то, в котором граждане стремятся сохранить стабильность. Это тот самый образ будущего, который мы сначала должны построить, а потом под него формировать общество. Если мы не задаём эту желаемую модель, а просто замеряем установки на перемены или стабильность, то невозможно корректно проинтерпретировать результаты опросов. Здесь надо понимать, что значит тот или иной уровень данных параметров с учётом контекста, психологического состояния общества, внешних и внутренних вызовов.

Библиографический список

1. Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен-2 Почему и как формируется спрос на радикальные изменения // Московский Центр Карнеги. 2019. Ноябрь. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Rus_Nov2109_final.pdf (дата обращения 16.12.2021).
2. Дискин И. Е. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. 1999. № 3. С. 5–40
3. Латова Н. В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст). // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. № 3. С. 119–134.
4. Немировский В. Г. Ценностные и социальнословные препятствия на пути социокультурной модернизации России и ее регионов // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 4. С. 57–70.
5. Петухов Р. В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 103–118.
6. Послание Президента Федеральному собранию 15 января 2021 г. // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 07.06.2022).
7. Шестопап Е. Б. «Они» и «мы»: восприятие своей и других стран российскими гражданами // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 90–102

8. Шестопа́л Е. Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 136–150.
9. Шестопа́л Е. Б. Селезнева А. В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.
10. Што́мпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
11. Всероссийский центр изучения общественного мнения [электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 07.06.2022).
12. Степанцов П. Вилейкас А. Коронавирус и общество. Как россияне реагируют на эпидемию. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (дата обращения: 07.06.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестопа́л Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.819

EDN: GUQVLB

Request for Change: An Attempt at a Political-Psychological Interpretation

Elena B. Shestopal

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: shestop0505@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0003-4778-4327

For citation: Shestopal E. B. Request for Change: An Attempt at a Political-Psychological Interpretation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2S. P. 103–114. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.819; EDN: GUQVLB

Abstract. The article presents reflections on the demand for change and the ongoing scholarly debate about its very existence in the contemporary Russian society. The author raises a number of topics that are significant for understanding the changes and considers them from the standpoint of a political psychologist. In particular, the need to “decipher” the desire for change is noted, the ambiguity of the attitude towards stability is shown, the difficulty of determining the situation in society as a crisis or calm, the peculiarities of splits in Russian society are analysed. The key issue in the study of the demand for change is the question of self-regulation of the social and political system in the conditions when the needs for change and the need for stability in society counterbalance each other.

At the moment, when the situation is extremely uncertain, and new challenges and threats appear all the time, it is difficult to count on automatic adaptation to changes. So far, there is no answer to the question What kind of society we would like to have: the one with the dominating demand for change, or the one with citizens striving to maintain stability. This is the very image of the future, that should be built first in order to enable then search for relevant control mechanisms. If this desired model is not set, but simply attitudes towards change or stability are measured, it will make impossible to correctly interpret the results of the polls.

Keywords: demand for change, stability, conservative ideology, liberal ideology

References

1. Volkov D., Kolesnikov A. My zhdem peremen-2. Pochemu i kak formiruetsja spros na radikalnyje izmeneniya [We are waiting for changes-2 Why and how the demand for radical changes is formed]. Moskovsky centr Karnegi, 2019, November. Accessed 16.12.2021. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Rus_Nov2109_final.pdf (in Russ.).
2. Diskin I. E. Rossiiskaja model socialnoy transformacii [Russian model of social transformation]. *Pro et Contra*, 1999: 3: 5–40 (in Russ.).
3. Latova N. V. Actors of demands for institutional changes in contemporary Russia. *Journal of Institutional Studies*, 2019: 11: 3: 119–134 (in Russ.).
4. Nemirovsky V. G. Tsennostnyje i socialno-soslovnyje prepjatstvija na puty sociokulturnoy modernizatsii Rossii o jeje regionov [Value and socio-cultural barriers on the way of socio-cultural modernization of Russia and it's regions]. *Monytoring obshchestvennogo mnenija*, 2013: 4: 57–70 (in Russ.).
5. Petuchov R. V. Demand for changes: political and value dimension. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2020: 6: 103–118 (in Russ.).
6. Poslanije prezidenta Federalnomu Sobraniju 15 janvarja 2021 goda [Message of the President to the Federal assembly January 15, 2021]. Official website of the President of Russia. Accessed 06.07.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (in Russ.).
7. Shestopal E. B. “They” and “We”: Perception of one’s own and other countries by Russian citizens. *Obshchestvennyje nauky i sovremennost*, 2021: 2: 90–102 (in Russ.).
8. Shestopal E. B. Chetvert veka politicheskikh reform v Rossii s tochky zrenija psichologii [Quarter of a century of political reforms in Russia from the psychological perspective]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2015: 1: 136–150 (in Russ.).
9. Shestopal E. B., Selezneva A. V. Socio-cultural threats and challenges in contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 10: 90–99 (in Russ.).
10. Shtompka P. Sociologija socialnykh izmenenij [Sociology of social changes]. Moscow, Aspekt-press, 1996: 13 (in Russ.).
11. Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya [All-Russian Center for the Study of Public Opinion]. Accessed 07.06.2022. URL: <https://wciom.ru> (in Russ.).
12. Stepantsev P, Vileikas A. Coronavirus I obshchestvo.kak rossijane reagirujut na epidemiju [Coronavirus and society. How Russians react to the pandemia]. Accessed 07.06.2022. URL: <https://knife.media/corona-sociology-1/> (in Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena B. Shestopal, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Chair of Sociology and Psychology of Politics,
Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University